

МЕМУАРЫ О ЧАСТНОЙ ШКОЛЕ И ДОМАШНЕМ ОБУЧЕНИИ В РОССИИ XVIII в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ

Статья посвящена изучению мемуаров о домашнем обучении и частной школе XVIII в. в отечественной историографии 1920–2000-х гг. Рассматриваются работы историков и литературоведов, посвященные анализу мемуаров как особого вида источника. Анализируется использование мемуаров в качестве источника по истории негосударственного образования в России XVIII в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мемуары, XVIII в., домашнее обучение, частная школа, историография, источниковедение.

Характерной чертой современного этапа развития исторической науки является повышенное внимание к индивидуальной человеческой судьбе и роли личности в истории. Данная тенденция обуславливает активное использование источников личного происхождения в исторических исследованиях. Среди таких источников особое место занимают мемуары.

Многие исследователи, занимавшиеся изучением мемуаров, отмечали такие слабые стороны этой группы источников, как субъективность и аберрация, вызванные неточностью человеческой памяти. Вместе с тем выдающийся литературовед В. Э. Вацуро писал: «Мы обязаны помнить, что мемуары подвержены всем случайностям человеческой памяти, допускающей невольные ошибки, – подчас путаются лица, даты, смещается последовательность событий... “Верить” им до конца было бы ошибкой, но отвергать их, найдя в них противоречия или несоответствия современному нам взгляду, – двойная ошибка. Они удерживают сведения, которых не содержат никакие другие документы. Они очерчивают нам круг связей и отношений их героев с современниками. Наконец они – и только они – рисуют нам историческое лицо в его неповторимом индивидуальном облике, передавая его характер, речь, привычки» [Вацуро, с. 5–6].

К числу уникальных сведений, сообщаемых мемуарами, относятся сведения о детстве их авторов. Они помогают понять, какие детские впечатления оказали наибольшее влияние на ребенка, закрепились в его памяти и были пронесены им через всю жизнь. Поскольку в детстве дети начинают постигать грамоту, а потом и другие науки, мемуары являются важным источником для изучения истории образования, особенно если обучение детей проходило в семье или частных школах и это относится к периоду XVIII в., когда государство крайне слабо контролировало процесс такого обучения, и он получал крайне скудное освещение в других видах источников.

В отечественной историографии мемуары стали привлекаться для изучения истории частной школы и домашнего обучения в XVIII в. еще в дореволюционный период [см.: Емельянова, с. 3–18]. К сожалению, в первые годы советской власти эта тема, как и развитие отечественной мемуаристики в целом, почти не привлекала внимания исследователей. Выходили отдельные публикации, но не затрагивались вопросы теоретического осмысления специфики этого вида источников. Наиболее значительным достижением стало первое полное издание в 1930 г. «Записок» Н. И. Греча, ранее публиковавшихся фрагментарно [см.: Греч].

В 1959 г. вышло учебное пособие М. Н. Черноморского «Мемуары как исторический источник», в котором была предпринята попытка классификации мемуарных источников. Он выделил собственно мемуары, описывающие жизненный путь их авторов; воспоминания о конкретных событиях; дневники и литературные записи [см.: Черноморский, с. 8]. Данная точка зрения была оспорена М. К. Макаровым, обращавшим внимание, что мемуары, в отличие от дневников, пишутся через значительный промежуток времени после описываемых событий [см.: Макаров, с. 24–25]. Однако предложенное им разделение дневников и воспоминаний не сразу получило поддержку в советской исторической науке. В частности, воспоминания и дневники объединяла в одну группу мемуарных источников Л. И. Деревнина, работавшая в основном с документами XX в. Она использовала термин «мемуары» как собирательное понятие для обозначения группы письменных источников,

которую делила на воспоминания, литературные записи воспоминаний, стенографические записи воспоминаний и дневники [см.: Деревнина, с. 37–38].

В 1962 г. был издан учебник академика М. Н. Тихомирова «Источниковедение истории СССР», в котором мемуаристике XVIII в. был отведен специальный раздел [см.: Тихомиров, с. 470–481]. Автор отмечал, что при всей своей субъективности мемуарная литература имеет громадное значение для историка и содержит много ценных сведений об общественной жизни и быте изучаемой эпохи. Тихомиров выделил два основных вида мемуарной литературы: дневники и воспоминания, отметив, что «наибольшей точностью обладают дневники, так как они велись изо дня в день» [Там же, с. 471]. Автор перечислил наиболее выдающиеся памятники отечественной мемуаристики XVIII в., кратко передал их содержание. Он отметил наличие сведений о домашнем обучении в «Записках» А. Т. Болотова [см.: Там же, с. 478].

Дискуссия о классификации мемуаров и их отличии от дневников продолжалась и после выхода учебника М. Н. Тихомирова. В 1965 г. выходит в свет статья С. С. Дмитриева, посвященная личным архивным фондам и хранящимся в них источникам. Он критиковал классификацию мемуаров, предложенную М. Н. Черноморским, и указывал, что граница между первой и второй группой мемуаров по классификации Черноморского фактически отсутствует. Также вслед за М. К. Макаровым он разделял дневники и воспоминания по хронологическому принципу и подчеркивал, что воспоминания, в отличие от дневников, всегда пишутся после описываемых событий [см.: Дмитриев 1965, с. 46–47].

В 1973 г. был издан новый учебник по источниковедению истории СССР под редакцией И. Д. Ковальченко. Главу, посвященную источникам личного происхождения XVIII – первой половины XIX в., написал М. Т. Белявский. Он указывал, что в мемуарах А. Т. Болотова содержатся сведения об обучении автора на дому и в частном пансионе [см.: Белявский 1973, с. 277]. С. С. Дмитриев, автор главы об источниках личного происхождения в учебнике по источниковедению истории периода капитализма (1973), разграничил дневники и воспоминания, однако по иному принципу,

чем в статье 1965 г., указав, что дневники по своей природе имеют преимущественно интимный характер, в то время как воспоминания обычно пишутся для читателей [см.: Дмитриев, 1973, с. 393].

Говоря об эволюции русской мемуаристики в XVIII – начале XX в., Дмитриев в первую очередь отмечал изменения в составе читательской аудитории, которой были адресованы воспоминания. Если в XVIII – первой половине XIX в. мемуаристы писали свои произведения для узкого круга читателей, состоявшего преимущественно из родственников и друзей, то в пореформенный период многие авторы стали адресовать свои произведения широкой читательской аудитории и писать их с расчетом на немедленную публикацию. Во втором издании учебника (1981) Дмитриев предложил свое определение мемуаров: это «повествование, ведущееся по личной памяти мемуариста на основе собственных впечатлений о тех или иных событиях, которые ему представляются значительными, о событиях, в которых он сам участвовал или которые сам наблюдал» [Дмитриев, 1981, с. 343].

Теоретическими вопросами источниковедения мемуаристики также занималась С. С. Минц. В статье 1979 г. «Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы)» она отметила, что мемуаристика прошла путь от «неканонической» формы художественной литературы до планомерно создаваемого исторического источника с обширными социальными функциями. Исходя из этого, С. С. Минц предложила классификацию мемуаров, в основу которой было положено осознание мемуаристами связи человеческой индивидуальности и общества. Она выделила последнюю треть XVIII в. как время широкого распространения практики написания мемуарной литературы [см.: Минц, с. 65].

Отечественная мемуаристика XVIII в. в 1960–1980-е гг. стала активно изучаться литературоведами. В 1969 г. Г. Е. Гюбиева защитила диссертацию, посвященную основным этапам развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII в. [см.: Гюбиева]. Она связала начало нового этапа в развитии русской мемуаристики XVIII в. со сменой классицизма сентиментализмом в качестве господствующего литературного стиля. В том же году вышла статья В. М. Фонштейн, посвященная языку мемуаров

XVIII–XIX вв. [см.: Фонштейн, с. 159–166]. О. Г. Чайковская, специалист по русской документальной прозе XVIII в., отметила связь между развитием в России мемуарного жанра и социально-психологическими изменениями, происходившими в русском образованном обществе во второй половине XVIII в., и утверждала, что в мемуаристике XVIII в. «выпрямляется униженное до тех пор достоинство человека» [Чайковская, с. 211]. Г. Г. Елизаветина, посвятившая свою статью становлению жанров автобиографии и мемуаров (1982), подчеркнула: «Ранее, чем в каких-либо других литературных жанрах, в автобиографиях и мемуарах начинает разрабатываться тема детства. Сначала очень лаконично, и, прежде всего, как тема воспитания» [Елизаветина, с. 252].

Хотя в 1960–1970-е гг. произведения отечественной мемуаристики XVIII в. почти не публиковались, в это время был внесен решающий вклад в систематизацию и библиографирование их изданий. В 1976 г. вышел первый том фундаментального справочника «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах», который был подготовлен крупнейшими библиотеками Москвы и Ленинграда по плану профессора П. А. Зайончковского и под его научным руководством [см.: История...]. В 5 томах, 13 книгах этого справочника зарегистрировано более 25 тыс. названий. Крупнейший исследователь отечественных мемуаров А. Г. Тартаковский, оценивая это издание, писал, что данный свод «закладывает надежный фундамент познания исторического развития самой мемуаристики как составной части русской духовной культуры» [Тартаковский, с. 5–6]. Особую ценность указателю придают аннотации, кратко передающие основное содержание мемуаров. Из них мы узнаем о наличии сведений о домашнем обучении и частной школе в мемуарах С. Н. Глинки, М. В. Данилова, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, И. М. Долгорукого, И. Смирнова, А. П. Степанова, И. Ф. Тимковского, И. А. Толченова, Д. И. Фонвизина.

Активная публикация мемуаров XVIII в. началась со второй половины 1980-х гг. В это время возникают специальные книжные серии, посвященные отечественной мемуаристике: «Голоса времени» и «Русские мемуары». Отличительной чертой этих изданий

являлась ориентация на массового читателя, проявлявшаяся в минимизации научно-справочного аппарата, произвольном сокращении текстов. Вместе с тем публикации мемуаров в данных изданиях сопровождалась предисловиями, в которых давались основные сведения о публикуемых мемуарных текстах [см.: Моисеева, с. 5–40; Подольская, с. 5–18]. Вместе с тем А. Г. Тартаковский отмечал, что многие из этих изданий были подготовлены неквалифицированно, в самих публикациях мемуаров присутствовали изъяны в передаче текстов, необоснованные и неоговоренные купюры, а во вступительных статьях и примечаниях содержались ошибочные и тенденциозные положения [см.: Тартаковский, с. 5]

В начале 1990-х гг. изучение отечественной мемуаристики XVIII в. поднялось на новый уровень благодаря работам А. Г. Тартаковского, ученика П. А. Зайончковского. В монографии «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.» (1991) он впервые детально проследил эволюцию русской мемуаристики на протяжении длительного исторического периода – более полутора столетий. А. Г. Тартаковским были выделены две группы в мемуаристике: «дневники как исторически первичная и простейшая форма запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни и воспоминания (мемуары в узком смысле слова) как более сложная и развитая форма мемуарной культуры» [Тартаковский, с. 8].

Основным признаком, позволяющим выделить мемуары в качестве особого вида источников, он считал их социальную функцию, связанную с реализацией исторического самосознания личности. Исходя из этого, Тартаковский рассматривал эволюцию отечественной мемуаристики в XVIII–XX вв. как развитие ее социальной функции и смену целевых установок авторов [см.: Тартаковский, с. 11]. Говоря о развитии отечественных мемуаров в XVIII в., Тартаковский отмечал, что в первой половине столетия «зарождавшийся мемуарный жанр... воспринимался в качестве продолжения летописной традиции». Характерной чертой произведений, выполненных в летописном стиле, являются безличностный тон повествования, внимание авторов к чисто внешним обстоятельствам своей биографии. В мемуарах такого типа краткие, бесстрастные заметки о родословной и личной жизни авторов перемешались

с описаниями событий государственного масштаба, касающихся войн, смены монархов [см.: Тартаковский, с. 43–45]. Отход от летописного стиля и создание мемуаров в форме связного авторского рассказа началось в 60–70-е гг. XVIII в. Тартаковский связывал эти перемены с наделением дворянства личными правами и ростом дворянского сословного самосознания [см.: Там же, с. 59].

А. Г. Тартаковский раскрыл изначальные цели мемуаротворчества, рассмотрел в динамике написание и публикацию мемуаров, социокультурный облик авторов. По данным автора в эпоху Петра I было создано 16 произведений (10 %), в царствование его преемников – 26 (17 %), во время правления Екатерины II и Павла I – 111 произведений (72 %) [см.: Тартаковский, с. 26]. Рассматривая основные мемуары XVIII – первой половины XIX в., Тартаковский подробно реконструировал историю их создания и публикации. Одним из его открытий стало обнаружение «Записок» С. Н. Глинки, хранившихся в разрозненном виде в разных архивах [см.: Там же, с. 167–169]. Характеризуя основные мемуарные сочинения второй половины XVIII в., Тартаковский отмечал наличие сведений о домашнем образовании в записках Г. С. Винского и А. Т. Болотова [см.: Там же, с. 67, 84].

Особую ценность труду Тартаковского придают справочные таблицы, посвященные опубликованным дневникам и воспоминаниям XVIII в. В них приведены данные о годах жизни и сословном положении авторов мемуаров, временном охвате событий, времени создания и первой публикации [см.: Там же, с. 244–281].

Несмотря на постепенное возрастание интереса к мемуарам как особому виду источников, неоднократное подчеркивание их значимости для исторических исследований, ученые, занимавшиеся историей образования, почти не использовали их в своих работах. В частности, полностью игнорировали воспоминания при рассмотрении истории частной школы и домашнего обучения в XVIII в. авторы «Очерков истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII – первой половины XIX в.» (1973) [см.: Озерская, с. 133–142; Смирнов, с. 48]. М. Т. Белявский в разделе «Очерков русской культуры XVIII в.» (1985) при рассмотрении деятельности

домашних учителей и частных пансионов в качестве иллюстрации привел отрывок из записок А. Т. Болотова о его обучении в доме генерала Я. А. Маслова [см.: Белявский, с. 279–280].

Профессор Ю. М. Лотман на рубеже 1980–1990-х гг. выступил с циклом телевизионных лекций «Беседы о русской культуре», они были изданы отдельной книгой уже в постсоветский период. Один из разделов книги посвящен женскому образованию XVIII – начала XIX в., здесь очень кратко характеризуется частное и домашнее образование, при этом используются мемуары домашнего учителя Г. С. Винского [см.: Лотман, с. 87].

В постсоветский период значительно возрастает интерес к истории частной школы и домашнего обучения, которые, по сути, игнорировались советской историографией. Это вызвано исчезновением государственной монополии на образование, появлением частных школ, развитием негосударственного образования, допущением обучения на дому. В связи с этим начинается активное привлечение мемуарных источников к изучению проблем домашнего обучения и частной школы в России. Литературовед О. С. Муравьева в книге «Как воспитывали русского дворянина» (1995) использовала фрагмент из воспоминаний С. Н. Глинки, посвященный его учителю танцев [см.: Муравьева, с. 225]. Появляются и новые методологические подходы к изучению истории детства. В 2000 г. выходит учебное пособие О. Е. Кошелевой «"Свое детство" в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.)», выполненное в русле педагогической антропологии и построенное на информации, содержащейся в мемуарах. О. Е. Кошелева показала, как менялось отношение к детству, ребенку, образованию и воспитанию. Говоря о мемуарах, создававшихся в эпоху Екатерины II, она писала: «Воспоминания о детстве, создававшиеся в этой атмосфере обостренного восприятия просвещенческой проблематики, так или иначе отражают присущее их времени отношение к воспитанию и обучению. Рассказ о своем детстве многие понимали как рассказ «о том, как меня учили и воспитывали». А если сказать точнее, по большей части о том, «как раньше плохо умели учить и воспитывать», ибо лишь малая часть лиц сумела попасть в «идеальные» учебные заведения, для пересчета которых хватит

пальцев одной руки, а идеи обновленной педагогики владели умами многих [см.: Кошелева, с. 25]. Рассмотрев 22 мемуарных текста, созданных в XVIII в., автор уделила большое внимание получению детьми начальных знаний, дала характеристику образу гувернеров.

Деятельности иностранных гувернанток в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. посвящена вышедшая в 2007 г. монография О. Ю. Солодянкиной. Для раскрытия темы она привлекла 16 мемуаров, содержащих информацию о гувернантках в семьях XVIII в., в том числе не использовавшиеся ранее для изучения этой темы записки Н. Б. Долгоруковой, И. М. Долгорукова, Е. Р. Дашковой, Л. Н. Энгельгардта и др. Из мемуаров она извлекала сведения для характеристики социального облика гувернанток, их положения в семьях, где они служили, реконструкции взаимоотношений между ними и их воспитанницами и положения гувернанток в семьях. При рассмотрении отношения русских наставников к иностранным воспитателям использовала воспоминания Г. С. Винского, утверждавшего, что привлечение иностранцев к воспитанию приносит только вред, связанный с тем, что они не знают законов и обычаев России [см.: Солодянкина, с. 238–253].

Большое внимание деятельности французских гувернеров уделено и в международном исследовательском проекте «Французы в России», итоги которого были подведены В. С. Ржеуцким в статье во «Французском ежегоднике» за 2011 г. Он отметил, что большинство мемуаристов XVIII в. оставило нам негативный образ французских гувернеров. Ржеуцкий отмечал тенденциозность образа иностранных гувернеров и указывал, что изучение этого образа требует внимательного критического разбора мемуарных текстов [см.: Ржеуцкий, с. 56–80].

Н. Л. Пушкарева в монографии «Частная жизнь русской женщины XVIII в.» отметила, что «дворянские источники личного происхождения дают богатейший материал по истории домашнего женского образования. Они позволяют проследить, как изменились за две трети XVIII столетия образовательно-воспитательные воззрения, как трансформировались ценностные ориентации матерей в семьях привилегированного сословия и как они, в свою очередь, повлияли на жизненные модели самих матерей и их детей»

[Пушкарева, с. 89]. В разделе об образовании Пушкарева использовала 14 мемуаров, уделяя основное внимание предметам обучения, социальному происхождению домашних учителей. Она также отметила, что в конце XVIII в. появляются женские и даже детские домашние библиотеки [см.: Там же, с. 97].

Продолжилось изучение мемуаров и литературоведами. В 2006 г. вышло учебное пособие Е. Е. Приказчиковой, посвященное развитию русской мемуаристики XVIII – первой трети XIX в. Опираясь на разработанную А. Г. Тартаковским периодизацию развития мемуаров XVIII в., она раскрыла художественные особенности важнейших памятников отечественной мемуарной литературы. Рассматривая «Записки» М. В. Данилова как образец семейно-домашней мемуаристики, она уделила внимание содержащимся в них сведениям о домашнем воспитании автора и его пасынка [см.: Приказчикова, с. 125, 133]. В отношении «Записок» А. Т. Болотова Приказчикова отметила, что в них дается самое подробное описание детства автора, причем с предельной откровенностью, а одной из важнейших художественных особенностей текста «Записок» является натурализм. В качестве примера привела описание наказаний, устраивавшихся учителем Болотова, немцем Миллером [см.: Там же, с. 150].

Подводя итоги, отметим, что в советской историографии мемуары для изучения истории домашнего образования и частной школы почти не привлекались, но были достигнуты значительные успехи в разработке классификации мемуарных источников, изучении их возникновения и эволюции на протяжении XVIII в. В 1980-е гг. мемуары стали привлекаться для изучения негосударственного образования в России XVIII в., но их применение носило иллюстративный характер. Активное привлечение мемуарных источников по данной теме началось только в постсоветский период, причем чаще для изучения домашнего образования и гораздо реже при изучении частной школы.

Беляевский М. Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 258–293.

Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 5–26.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М. ; Л., 1930.

Губиева Г. Е. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Деревнина Л. И. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопросы) // Вопр. архивоведения. 1963. С. 32–38.

Дмитриев С. С. Личные архивные фонды. Виды и значения их исторических источников // Вопр. архивоведения. 1965. № 3. С. 35–48.

Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 393–414.

Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 342–358.

Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. М., 1982. С. 235–263.

Емельянова А. В. Мемуары о домашнем обучении детей в России XVIII в.: история публикации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2014. Вып. 14. С. 3–18.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннот. указ. книг и публикаций в журналах. Т. 1 : XV–XVIII вв. М., 1976.

Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М., 2000.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII– начало XIX вв.). СПб., 2006.

Макаров М. К. О принципах классификации письменных источников (историография вопроса) // Тр. МГИАИ. 1961. Т.16. С. 15–28.

Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55–70.

Моисеева Г. Н. Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков и их культурно-историческое значение // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков. М., 1990. С. 5–40.

Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.

Озерская Ф. С. Женское образование в XVIII в. // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, XVIII – первая половина XIX в. М., 1973. С. 133–142.

Подольская И. И. «Минувшее проходит предо мною...» // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII в. М., 1988. С. 5–18.

Приказчикова Е. Е. Русская мемуаристика XVIII – первой трети XIX в.: имена и пути развития. Екатеринбург, 2006.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII в. М., 2014.

Ржеуцкий В. С. Французские гувернеры в России XVIII в. Результаты международного исследовательского проекта «Французы в России» // Французский ежегодник 2011 г.: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 58–80.

Смирнов А. В. Русская школа и педагогическая мысль во второй четверти XVIII века // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII – первой половины XIX в. М., 1973. С. 48–53.

Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М., 2007.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962.

Фонштейн В. М. Отражение лексики низкого стиля в частной переписке и мемуарах второй половины XVIII в. // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. (Ломоносовские чтения). Казань, 1969. Вып. 2–3. С. 159–166.

Чайковская О. «И в прозе глас слышен соловьин...» (заметки о документальной литературе XVIII в.) // Вопр. лит. 1980. № 11. С. 196–213.

Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник : учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1959.